

УДК 008(1-15):(1:11)
ББК 71.05

А.М. Казиева

АНТИНОМИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

Запад и Восток взаимно полагают друг друга и в то же время взаимоисключают. Запад и Восток являются воплощением дополнительных и в то же время антонимичных полярных начал. Это – диалектика единства и множественности культуры как сложного целого. Литературные явления тесно связаны этнокультурными, культуроведческими, историческими особенностями развития народов и, в частности, условной смысловой парадигматической конструкцией «Запад и Восток».

Ключевые слова: Запад, Восток, культурная рефлексия, семантический параллелизм, художественная оппозиция.

Казиева Альмира Магомедовна – директор Северокавказского НИЦ общего и сравнительного литературоведения, доктор филологических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета

Тел.: (8793)33-38-34

E-mail: kam@net5.ru k_mika@mail.ru

Литературные явления тесно связаны этнокультурными, культуроведческими, историческими особенностями развития народов и, в частности, условной смысловой парадигматической конструкцией Запад и Восток.

Условная смысловая парадигматическая конструкция – Запад и Восток – была выработана мыслью человечества для первичной типологии мировой культуры.

Это парная категория, выражающая дихотомию поляризованного целого всемирной культуры и литературы, характеризующая одновременно и единство культуры Запада и Востока, и отличия, разделенность на противоположные модели культурного пространства.

Запад и Восток взаимно полагают друг друга и в то же время взаимоисключают, являются воплощением дополнительных и в то же время антонимичных полярных начал. Это диалектика единства и множественности культуры как сложного целого. Таким образом, понятия «Запад» и «Восток» ассоциативно противоположны.

Субъект той или иной культуры, намеренно не связывая себя с культурами Запада и Востока, абстрагируясь от дихотомического подхода и пытаясь определить место, феномен этой культуры среди иных культурных образований – родственных, контрастных, всегда имеет определенную ценностно-смысловую топологию.

Запад и Восток в своей содержательной соотнесенности и представляют собой простейший и уни-

версальный случай культурной топологии (два разных топоса, образующих в паре смысловое напряжение и в то же время органичную смысловую связь).

Связь Запада и Востока, их явная или демонстративная парная сопряженность символизирует единство мира, глобальный универсум, территориальное или смысловое всеединство мировых сил, природных стихий, разных народов и стран. Именно к такому универсуму апеллируют все мировые религии и культуры, наиболее общие и универсальные философские системы. Не случайно почти все империи обращались к парадигматике Запада и Востока (Древний Китай, эллинистическая Греция, Римская империя, Византия, кочевая империя Чингисхана, Россия). Характерна преемственность имперского герба «Третьего Рима» – двухглавого орла, как раз и означающего соединенность и неразрывность Запада и Востока, а также всеохватность власти, обнимающей безграничное пространство, а значит, в принципе неограниченной, абсолютной, вселенской.

Пространственная саморефлексия любой культуры (или ее относительно завершенного фрагмента) в той или иной мере связана с географической ориентацией и исторически обусловленными представлениями о дуальной (бинарной) организации и смысловом членении мирового пространства (ведущими свое происхождение из мифологических моделей мира).

Дихотомия Запад – Восток оказалась в этом отношении наиболее устойчивой практически во всех культурах, что связано с космогоническими мотивами этой антиномии: восход и закат солнца и луны; символика рождения и умирания всего живого; цикличность и круговорот всех природных и космических процессов, свидетельствующие о глубинной взаимосвязи Запада и Востока, их скрытой диалектике. Нередко в культурах разных народов Восток символизирует начало (жизни, истории, сотворения мира, природного или космического цикла), весну, возрождение и обновление, воскресение, спасение, наступление грядущего. Соответственно Запад ассоциировался с концом (жизни, истории, творения), осенью, зрелостью и завершенностью достижений любого рода, подведением итогов. В большинстве мифологий мира самим по себе смысловым полюсам Запада и Востока не отдается предпочтение, их противоположности снимаются в мифологическом центре мира.

Появляющаяся время от времени в истории мировой культуры другая географическая антиномия Север – Юг имела временный или локальный характер, не претендуя на универсальность, всеобщность и всемирность. Так, для Античности Север ассоциировался с варварством; для русской культуры XVIII–XIX вв. Север в лице «Северной Пальмиры» – Петербурга являл собой русский вариант западноевропейской цивилизации, противостоящий «дикому» Югу (непокоренный Кавказ,

Средняя Азия, опасные соседи Турция и Персия, загадочный и далекий Китай). Как правило, противопоставление Севера и Юга приходило на смену антиномии Запада и Востока тогда, когда дихотомия Запада и Востока казалась недостаточной или неактуальной (послепетровская Россия мыслила себя именно Западом, но более северным).

В отличие от социальной дихотомии Севера и Юга смысловая пара Запад – Восток носила ярко выраженный характер социокультурной и цивилизационной дилеммы: «или – или».

В кульминационный период формирования колониальных систем на рубеже XIX–XX вв., когда противоречия Востока и Запада приняли особенно жесткий, непримиримый характер, знаменитый английский писатель Киплинг сформулировал свой «категорический императив»: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда».

Действительно, сопоставление культур Запада и Востока (особенно впечатляющее в свете исследований западных и восточных религий, осуществленных М. Вебером) выявило почти необозримый ряд смысловых антиномий. Если Запад – демократия (свобода, равенство), то Восток – деспотизм, если Запад – аскеза, то Восток – мистика; Запад – научное знание, рациональность, Восток – интуиция, вживание в мир; Запад – динамизм, развитие, Восток – неподвижность, стабильность; Запад – модернизация, инновативность, Восток – традиционность, ритуал; Запад – «логос», Восток – «дао»; Запад – индивидуализм, личность, Восток – коллективизм, государство; Запад – активное технико-технологическое преобразование мира, Восток – достижение гармонии с естественно-природной средой обитания и медитация и т.д. Примеры глубокой дифференциации систем ценностей Запада и Востока можно продолжать.

Таким образом, Запад и Восток – это различные социокультурные парадигмы, на протяжении веков и тысячелетий сосуществующие между собой, борющиеся друг с другом, взаимодействующие и влияющие – прямо и косвенно – одна на другую, но в процессе исторического противостояния (постоянно изменявшего свои формы и их смысловое соотношение), так и не преодолевшие семантического «параллелизма», взаимной непереводаемости, символического противостояния, политической, философской, религиозной, художественной оппозиции.

Как бы далеко ни отстояли друг от друга культурно-смысловые системы Запада и Востока, они остаются связанными между собой совокупностью различительных принципов или набором критериев и принципов, согласно которым Запад и Восток оказываются сопоставимыми между собой. Как бы тесно ни сближались между собою Запад и Восток, всегда найдутся ценности и нормы взаимоисключающие, предельно поляризующие их семантические поля. Даже применительно к одному культурно-целостному объекту наблюдения или научного изучения

можно говорить об амбивалентности представленных в нем западных и восточных начал

Проблема соотношения Запада и Востока усложняется, если учесть историческую изменчивость культурно-смысловых границ между ними. Присоединение к России Закавказья превратило эти сугубо восточные по менталитету и культуре территории в европеизируемый Запад. Прекратились бесконечные погромы и разорения его народов, междоусобицы между ними самими, нашествия иноземцев.

Русский язык оказался необходимым не только для государственной власти, но и для самих разноязычных народов Кавказа и вошел в обязательный оборот их общей жизни, для официальных, государственных обстоятельств, а также как практическая спайка для развития культурных, торговых и прочих жизненных сношений их между собою и с целой Россией.

Разрозненные прежде, разобщенные взаимным непониманием, народы Кавказа оказались мирно сцементированными примирительным и объединяющим воздействием российской культуры и русского языка.

Можно сказать, что историческая динамика культур Запада и Востока никак не затрагивает их содержания как элементов объединяющей их смысловой конструкции: условная «система координат» мировой культуры, ее феноменология остаются неизменными при бесконечной изменчивости и текучести охватываемых ею конкретных феноменальных форм. Это означает, что дихотомия «Запад – Восток» является необходимым компонентом любой культурной рефлексии и культурологического знания как такового, ограждающим человеческое познание от неправомерной унификации различных, не сводимых друг к другу культур в единую всемирную культуру, равно как и от соблазна представить все конкретные культуры автономными и несовместимыми друг с другом единичными феноменами.

В зависимости от характера рефлексии той или иной культуры в каждый период ее исторического самоопределения она может мыслить себя как тяготеющую, «приближающуюся», к Западу или Востоку. При этом один из двух смысловых полюсов наделяется абсолютной положительной ценностью, в то время как другой либо признается ценностью относительной, либо ценностью абсолютной, но отрицательной. Определяющая свое место в мире культура соотносит себя с тем смысловым полюсом, который символизирует для нее абсолютную положительную ценность, и в зависимости от исторически обусловленной самооценки отождествляет себя с центром культурного универсума или с его периферией, в первом случае она полагает себя самодостаточной и замыкается в горделивом величии, во втором – тянется к центру: либо стремясь обрести с ним тождество, либо пытаясь его низвергнуть, оспорить, дискредити-

ровать как мнимую или ложную ценность. В конечном счете из первичной антиномии Запада и Востока проистекают и периодически сменяющие друг друга тенденции национально-культурной автономизации или культурно-цивилизационной интеграции, открытости культур друг другу, культурного экспансионизма и агрессии или подражательности, борьбы и соперничества или взаимообогащающего диалога. Историческая динамика взаимоотношений Запада и Востока носит характер неравномерной пульсации: взаимное притяжение сменяется взаимным отталкиванием или индифферентностью по отношению друг к другу.

В пограничных между Западом и Востоком культурах резко поляризуются такие взаимоисключающие тенденции, как открытость и закрытость, «всемирная отзывчивость» и самобытность, космополитизм и охранительность; более того, «постоянное колебание между двумя полярными тенденциями» является не только «естественным», но подчас и «единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития». В некотором смысле пограничные культуры представляют собой явления, характеризующиеся большей степенью сложности, нежели Запад и Восток, взятые в отдельности: здесь западные и восточные компоненты не просто суммируются или интегрируются иным способом в культурное целое, имплицитно включающее в себя как западные, так и восточные дискурсы, но и составляют в своей совокупности систему, на всех уровнях построенную на «взаимоупоре» противоборствующих противоположностей.

В отношении России и русской культуры эти процессы и явления сегодня наиболее глубоко и разносторонне изучены. Пограничное положение России и русской культуры между Западом и Востоком, вызванные этим внутренние противоречия русского национального характера, менталитета, непредсказуемость социокультурной истории явились источником вековых идеологических споров и конфликтов западников и славянофилов, сторонников и противников реформ, либералов и консерваторов, демократов и коммунистов. Не случайно эти проблемы живо интересовали многих деятелей русской классической культуры – Н. Карамзина, П. Чаадаева, ранних славянофилов и русских почвенников, Ф. Достоевского и Л. Толстого, К. Леонтьева и В. Соловьева, В. Розанова и Н. Рериха, Д. Мережковского и А. Блока, Н. Бердяева и Г. Федотова. Наибольший вклад в изучение контаминации и диффузии восточного и западного начал в русской культуре и российской истории внесли евразийцы (включая их позднейшего одинокого представителя Л. Гумилева).

Среди мыслителей и исследователей русской культуры как пограничной между Востоком и Западом не было единства: интерпретации и оценки русской культуры были во многом противоположными и взаимоисключающими. Если Н. Гоголь, славянофилы А.С. Хомяков,

К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, а затем и К.Н. Леонтьев, и евразийцы Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский склонялись к тому, что русская культура принадлежит больше Востоку, то В. Белинский, Н. Чернышевский, Д. Писарев, Вл. Соловьев, Д. Мережковский, В. Эрн, В. Брюсов, А. Блок, М. Бахтин, А. Лосев видели русскую культуру скорее частью Запада.

Достаточно сложно соединялись западные и восточные компоненты русской культуры, европеизм и азиатчина в представлениях Л. Толстого, В. Розанова, Н. Рериха, Н. Бердяева, Г. Плеханова, В. Ленина, Г. Федотова. Если Ф. Достоевский и Л. Толстой, Н. Данилевский и Вл. Соловьев видели в России и русской культуре феномен всемирно-исторического масштаба и значения, способный открыть новые пути для всего человечества, то для Чаадаева исключительность русского культурного и социального опыта состояли в его выпадении из традиций как Запада, так и Востока, что и обуславливало его мировую уникальность и поучительность.

Характеризуя противоречивость русской культуры, Н. Бердяев называл Россию Востоко-Западом и утверждал, что в России «сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад» («Русская идея»). Однако обе эти модели русской культуры, развивающейся между Востоком и Западом (соответственно центристская и центробежная), при всей своей видимой противоположности отнюдь не исключают друг друга: культурно-исторические процессы западного и восточного происхождения и сталкиваются между собой в русской культуре, и отталкиваются друг от друга; собственно национально-русские тенденции в культурном развитии России то и дело раздваиваются, устремляясь одновременно на Запад и Восток. Можно сказать, что на территории России в течение более чем тысячелетия разворачиваются своего рода «турбулентные» этнокультурные процессы.

Россия, русская Евразия – это «место встречи» Востока и Запада; эта встреча соединяет и разделяет, сближает и отдаляет; это и конфликт, и диалог – воплощенные «единство и борьба противоположностей» в культуре. Это социокультурный «водоворот»; это долгий и трудный поиск путей и форм культурного синтеза Запада и Востока.

Взаимодействие культур, литературы, искусства – особый вид отношений и связей, которые складываются между по меньшей мере двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений.

Решающее значение в процессах взаимодействия культур приобретает изменение состояний, качеств, областей деятельности, ценностей той и другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей под влиянием импульсов, идущих извне. Так как подобные результаты подготавливаются

постепенно, иногда незаметно, исподволь, то процессы взаимодействия культур длительны.

Выделяют разные уровни взаимодействия культур. Этнический уровень взаимодействия характерен для отношений между локальными этносами, историко-этнографическими, этноконфессиональными и другими общностями.

На национальном уровне взаимодействия регулятивные функции в значительной степени выполняют государственно-политические структуры.

Цивилизационный уровень взаимодействия приобретает спонтанно-исторические формы, однако на этом уровне и прежде, и в настоящее время возможны наиболее существенные результаты в обмене духовными, художественными, научными достижениями.

В повседневной практике общения стран и народов мира чаще всего перекрещиваются процессы и отношения, характерные для всех трех уровней взаимодействия. В межкультурных связях, особенно внутри полинационального государства, принимают одновременное участие как большие, так и малые нации, имеющие свои административно-государственные формы регулирования этнического образования и не имеющие таких форм. При этом более крупное по численности представителей и по роли в жизни разных народов культурное образование способно оказать большее влияние на процессы взаимодействия, нежели малая этническая группа, хотя вклад последней во взаимодействие нельзя недооценивать. Исследователи выделяют культуру-донора (которая больше отдает, чем получает) и культуру-реципиента (культура, в основном, принимающая). В течение исторически длительных периодов времени эти роли могут меняться.

Важное значение во взаимодействии культур имеет его структура, т.е. те содержательные направления и конкретные формы взаимного обмена, через которые оно осуществляется. Под влиянием взаимодействия культур весьма своеобразно могут происходить изменения в художественной или религиозной практике взаимодействующих народов, а также в их обычаях, воззрениях.

Международные отношения выступают не только формой взаимодействия культур, но они содержат в себе и целую цепочку механизмов, посредством которых оно осуществляется. Помимо механизмов, действующих в рамках международных отношений, в практике взаимодействия широко используется система социальных институтов и механизмов внутри самих культур.

Весьма неоднозначными бывают результаты взаимодействия культур, особенно если их анализировать в рамках краткосрочной ретроспективы. Оценка этих результатов – достаточно сложная процедура, поскольку еще не выработаны критерии, позволяющие говорить о безусловно положительных или отрицательных последствиях взаимодействия. Пос-

леднее утверждение нельзя отнести к тем случаям, когда одна культура под влиянием взаимодействия с другой постепенно растворяется в ней или исчезает без следа. Такой результат наиболее отчетливо прослеживался и в прошлой практике на примере культур реликтового или архаического типа, которые вплоть до наших дней сохраняются в ряде регионов, при их внезапном столкновении с культурами современного типа. Подобные культуры нередко оказываются не готовыми в сжатые сроки, быстрыми темпами освоить те сложные культурные формы жизнедеятельности, которые им навязывает более динамичное и дифференцированное культурное окружение (индустриальные и постиндустриальные культуры).

Более сложным по результатам и последствиям бывает взаимодействие между культурами, не имеющими глубокого разрыва по типологическим характеристикам, по способности к динамическим изменениям, по уровню внутренней дифференциации. Распространение в какой-либо культуре удобных для работы орудий труда, современных технологий, новых оценочных критериев повседневного поведения людей, взятых из инокультурного опыта, не может быть признано позитивным или негативным, пока не станет ясно, какое именно воздействие оказали те или иные заимствования на глубинные качества культурной жизни данного народа.

Новые предметы и явления культурной практики должны быть оценены не сами по себе, но лишь с позиций того, насколько они помогли данной культуре адаптироваться к изменениям внешнего мира, развить ее творческий потенциал.

В каждой культуре имеется система защитных механизмов, способных предохранить ее от слишком интенсивного инокультурного воздействия: таковы механизмы сохранения и воспроизводства своего предшествующего опыта и традиций, формирования у людей чувства культурной идентичности.

Европейская культурная традиция – это особая общность истоков, судеб, наследия, приведшая к формированию культурно-исторической общности с единым генетико-культурным кодом, с характерным самоощущением и самосознанием европейцев.

По выражению Поля Валери, все, что ведет происхождение из Афин, Рима и Иерусалима, является подлинно европейским. Но чтобы в полной мере стать таковым, потоки, питаемые этими могучими источниками (античное наследие и христианство), должны были соединиться с культурой народов древней и средневековой Европы: германцев, кельтов, славян... Именно своеобразный сплав всех исходных компонентов заложил основы европейской цивилизационной общности.

Древняя Эллада и Рим – это еще не Европа, так как сама европейская общность в то время еще не сложилась. Европа фигурирует в греческих и римских текстах лишь как географическое понятие. Античный

мир был средиземноморским миром. Но именно европейская цивилизация вобрала, впитала и развила его наследие. При этом географические рамки европейской цивилизации никогда не оставались неизменными.

Европейская идентичность – понятие саморасширяющееся. От Средиземноморья на север, юго-восток континента – таковы пространственно-исторические направления-векторы, определяющие процесс формирования европейской цивилизационной общности.

Античными мыслителями были поставлены вопросы, ответы на которые европейская философская мысль искала на протяжении столетий и продолжает искать и по сей день. В ходе последующего культурно-исторического развития Европы в античном наследии выделилось понимание и восприятие Человека.

Идеал Античности – богоподобный человек. Человек и Природа, Человек и Общество – европейские проблемы всех времен. Некоторые основополагающие проблемы и подходы к ним закладывались еще в Афинах и Риме.

Греческая традиция предусматривала диалогичность в сфере мысли и политики, утверждала равноправное сосуществование различных концепций. Эти диалогичность и полифоничность стали неотъемлемой чертой европейского развития.

Важнейшим этапом в переходе от средиземноморской к собственно европейской общности стали варварские нашествия, подточившие и разрушившие дряхлеющую Римскую империю.

Этническая многоликость Европы стала основой, на которой позднее формировались нации и государства. Тем самым были созданы предпосылки для внутриевропейского многообразия. Процесс освоения и усвоения античного наследия, неодинаковый по формам и темпам, стал важным фактором складывания европейской цивилизации. Так, античное наследие оказало лишь опосредованное воздействие на Северную Европу, а Юго-Восточная и Восточная Европа усваивали его преимущественно через Византию, в которой античные традиции никогда не прерывались ни в архитектуре, ни в искусстве, ни в литературе, ни в философской мысли. Но вместе с тем в Византии античные традиции соединялись с восточными влияниями и собственно византийскими феноменами.

По М.М. Наринскому, В.М. Кареву, поздняя Античность стала той почвой, на которой выросло и окрепло христианство как один из важнейших аспектов цивилизации. Трудно переоценить значение этого исторического факта: могучая, но уже клонящая к упадку империя, и начинающая свое шествие религия.

Через Рим и Византию христианство восприняли выходящие на историческую арену народы континентальной Европы – Западной и Центральной, нашедшие в нем – все вместе и каждый индивидуум в отдельности – духовное выражение своего земного существования, соедине-

ния в некую общность, основанную на высших ценностях и отрицающую – в идеале – всякое противостояние человека человеку. Конечно, христианство – это не только Европа, но представить себе европейскую цивилизацию без христианства и вне христианства невозможно.

Одна из зон контактов и противостояний – Восточная Европа, где сохранились поселения пахарей и степь, столкнулись Европа и Азия, европейская цивилизация и великие волны – нашествие кочевого мира. Почти два столетия боролась Русь со степняками, сдерживая их движение в Южную и Центральную Европу, борясь и взаимодействуя. Затем наступил черед тех драматических событий, значение которых точно определил А. С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы, варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились в степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...».

Иго Орды усилило асинхронность в развитии Запада и Восточной Европы. К тому же, по М.М. Наринскому, В.М. Кареву, при анализе европейских процессов следует иметь в виду не только эту асинхронность, предполагающую следование с несовпадением по времени по единому пути, но и региональную специфику, вариативность развития.

Цивилизационное единство Европы не есть некое однообразие. Оно – органический сплав идентичных и вместе с тем самобытных факторов и начал.

Проблема выбора России еще более обострилась с попыткой Петра I полностью европеизировать страну, безоговорочно включить ее в европейскую систему, оставляя другие связи. С Петровских времен то вспыхивала, то затухала – но не прекращалась вовсе – идейная и политическая оппозиция двух ориентации – «исконно» российской, православной, «почвенной», и европейской, западной. В середине XIX в. полемика славянофилов и западников стала одним из важнейших явлений литературно-философской и общественной жизни России. Но в этой полемике – при всем несходстве начальных установок – и славянофилы, и западники пользовались аргументацией, сопряженной так или иначе с европейскими традициями. Достаточно сказать, что философская концепция славянофилов, восходящая к восточной патристике, в то же время охотно использовала интеллектуальный багаж западноевропейского романтизма первой половины XIX в.

При всех внутриевропейских различиях христианство стало основополагающим фактором культуры, образа жизни и мировосприятия европейцев. Оно создало новое представление о человеке, сущность которого – душа, ищущая спасения и стремящаяся к нему. Отсюда – характерная концепция человеческой личности, выводимая из отношения инди-

видуума с Богом, который сам понимается как вечное личностное начало и ключ к пониманию ценности отдельной человеческой личности.

В средневековой Европе сформировалось обширное единое культурное пространство, в котором происходил интенсивный обмен мнениями и творческими достижениями. Сложилось своеобразное, общеевропейское ученое сословие со своим образом жизни, разнообразными контактами.

Особенности христианского мышления и системы представлений пронизывали всю европейскую культуру Средних веков. Ветхозаветные и евангельские сюжеты стали вечной темой европейского искусства и литературы.

К разряду вечных относятся и многие проблемы европейской политической культуры. Проблема места России в Европе и мире еще более осложнились с ее продвижением в Азию. Будучи частью Европы, Россия уже являлась не только ею. Европа и Россия, продвигавшая европейскую цивилизацию в Азию, как бы определяли друг друга. Россия, ставши целым, очертила и ограничила Европу, но и та, в свою очередь, Россией очертила Азию. *Это евразийство сказалось и на культуре России.*

Литература

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. Вып. 1–2. М., 1992.
3. *Каган М.С., Хилтухина Е.Г.* Проблема «Запад–Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур. М., 1994.
4. *Лихачев Д.В.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1993.
5. *Лотман Ю.* Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
6. *Лурье С.В.* Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизация и культуры. М., 1974
7. *Маркина Л.* Рококо // Цивилизация и культуры. Вып. 1. М., 1995.
8. *Панарин А.С.* Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизация и культуры. Вып. 2. М., 1995.
9. *Поздняковский В.Д.* Очерки формирования русской национальной культуры. М., 1975.
10. Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопросы философии. 1992. № 6.
11. Россия и Европа в XIX–XX веках: проблема взаимодействия народов, социумов, культур. М., 1996.
12. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. М., 1991.
13. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1991.
14. *Ясперс П.* Смысл истории. М., 1991.